

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

С.П. Перегудов

Ключевые слова: идентичность, консолидация, социальная дифференциация, социальная исключенность, политическая система, вертикаль власти, “партия власти”, интеграция, дезинтеграция.

Одним из важнейших направлений исследований российского социума в последние годы стало изучение проблемы его национально-государственной идентичности. Чаще всего она рассматривается как самоценный фактор, определяющий качество общественных связей и отношений, степень сплоченности и солидарной мотивации индивидуального и группового поведения граждан¹. Становится, однако, все очевиднее и то воздействие, которое оказывает идентичность на прочность и дееспособность российского государства, уровень и качество его консолидации².

Задача данной статьи — попытаться выявить эту связь, ее позитивные и негативные аспекты, а также спрогнозировать те тенденции будущего развития, которые здесь вырисовываются. Вряд ли будет преувеличением, если мы скажем, что проблемы эти напрямую сопрягаются с самим будущим России как суверенного, целостного государства и ее роли в качестве полноценного члена мирового сообщества.

Чтобы решить поставленную задачу, или, точнее, приблизиться к ее решению, нам придется оттолкнуться как от тех изменений, которые претерпевает в последние годы национально-государственная идентичность сама по себе, так и от тех факторов, которые существенным образом обуславливают ее воздействие на состояние и качество российской государственности.

Наиболее значимые из этих факторов — политическая инфраструктура гражданского общества и партийно-политическая система. С одной стороны, они

ПЕРЕГУДОВ Сергей Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Для связи с автором: peregood1@rambler.ru

¹ Согласно общепринятым определениям, идентичность — это, прежде всего, сходство, тождество морально-этических, нравственных социально-психологических установок и устремлений, объединяющих сообщества индивидов самого различного назначения и характера. Подробно о понятии идентичности, ее различных видах и формах, а также об изысканиях, касающихся тех или иных конкретных сообществ см.: раздел “библиотека” на сайте Экспертной сети по исследованию идентичности (<http://identity.ucoz.ru>). Наиболее основательные исследования общероссийской идентичности были проведены рабочей группой Института социологии РАН и опубликованы как в виде отдельных докладов, так и в периодических научных изданиях [см. напр. Российская идентичность... 2008]. В более широком, общемировом контексте проблема идентичности анализируется в статье [Семененко, Лапкин, Пантин 2010].

² Обзор существующей в России и за рубежом литературы о государственной консолидации и концептуально-теоретических подходах к ее изучению содержится в статье [Ильин, Мелешкина, Мельвиль 2010]. В исследовательском плане тема консолидации государства наиболее полно отражена в рамках проекта “Политический атлас современности — 2007”, выполненном рабочей группой МГИМО(У) МИД России, возглавлявшейся А.Ю.Мельвилем [Политический атлас... 2007].

являются как бы производными от идентичности механизмами взаимодействия общества и государства, а с другой — частью властной вертикали, существенным образом влияющими на процессы общественной идентификации и во многом предопределяющими ее консолидирующую роль.

От старой советской к новой российской идентичности

Процессы распада Советского Союза и превращение России в суверенное государство сопровождались радикальной сменой отношений собственности и разрушением политической системы и неизбежно вели к изменениям в самих основах традиционной российской и советской идентичности. Многочисленные исследования, проводившиеся как отдельными учеными, так и научными коллективами в течение 1990-х годов и позднее, выявили ослабление старых, а вместе с тем, появление новых приоритетов и приверженностей. Согласно упомянутым исследованиям Института социологии РАН, началась адаптация “человека советского” к рыночной экономике, ценностям представительной демократии, укреплялась ориентация на достижение успеха через активизацию личной инициативы, стали снижаться патерналистские, иждивенческие настроения. В то же время продолжала сохраняться, а часто и укрепляться этатистская “советская” ментальность, приверженность к ценностям традиционной крестьянской культуры. С одной стороны, это свидетельствовало о начале формирования “новой российской идентичности”, а с другой — о процессах дифференциации в ментальности россиян. Наиболее ярко это проявлялось в отношениях к “Западу” и западной демократии, а также в разделении россиян на “традиционалистов” и “модернистов”. Превращение “человека советского” в “человека российского” явно затягивалось, и это послужило основанием для вывода социологов о том, что в стране продолжала и продолжает сохраняться “неопределенность общегосударственной идентичности” [Российская идентичность... 2008: 47]. Самые разнообразные проявления этой неопределенности напрямую сказываются на качестве идентичности и ее способности реализовывать ту самую функцию опоры государственной консолидации, о которой у нас идет речь.

Согласно авторитетным специалистам в области российской идентичности, из многочисленных ее составляющих решающее значение имеют *этнонациональная* и только что упомянутая *общегосударственная, государственная*. Если первая основывается на широком круге этнических, культурных, исторических, этических и иных “схождений” и тождеств, то вторая по своей сути имеет одно главное измерение, а именно — политическое. Многие другие так или иначе присутствуют в нем, но скорее как общий фон, в той или иной мере определяющий его специфику. Ее главное “назначение” — идейно-политическое сплочение всего совокупного социума, которое именуется страной или государством. Но государством, понимаемым не как институт, а как государство — территория и государство — сообщество граждан.

Для государств-наций, каковыми являются ныне большинство стран, оба эти измерения — этнонациональное и государственно-политическое, как правило, совпадают, или, точнее, дополняют друг друга, а чаще всего составляют единое целое. Однако для многонациональных, полиэтнических сообществ,

каковым является Россия, эти два типа идентичностей могут где-то совпадать, накладываться один на другой, а могут и не совпадать и даже вступать в противоречие друг с другом. Уже тот факт, что государственная, общегражданская идентичность *одна*, а национально-этнических — *множество*, создает ситуацию, во много раз более сложную и неоднозначную, нежели та, которая имеет место в сложившихся государствах-нациях. Впрочем, из опыта стран Европейского Союза мы знаем, что и там не все просто, особенно в связи с возрастающим значением региональной и этнорегиональной идентичностей.

Проводимые в последние годы социологические опросы и основанные на них исследования констатируют возрастающую роль общегражданской идентичности. Все они тем не менее подтверждают отмеченный выше факт незавершенности этого процесса. Собственно, о том же говорят и наши ведущие политические деятели, когда они заявляют о неотложной необходимости формирования “российской нации” и “российского сознания”, “новой российской идентичности” [см. напр. Послание... 2007].

Но проблема отнюдь не ограничивается “незавершенностью” складывания общегражданской идентичности. Она серьезнейшим образом осложняется тем фактом, что национально-этнические идентичности отличаются гораздо более высокой степенью “зрелости” и полноты, в результате чего продолжает сохраняться существенная диспропорция между ними. Эта диспропорция заметно снизилась по сравнению с 1990-ми годами [см. напр. Независимая... 2010а], но снизилась не настолько, чтобы элиминировать риски “обратного хода”.

Исследования, проводившиеся, в частности, в Татарстане, наглядно демонстрируют устойчивость национального самосознания татарской нации, стремления значительной части местного населения укрепить, усилить роль национально-этнического компонента в области политики, экономики, культуры, причем наряду с одновременным сближением с русской частью населения продолжают проявляться, хотя и не так явно, как в 1990-е годы, и открыто националистические, сепаратистские тенденции.

Как правило, эти исследования делают акцент на остаточный характер той суверенизации, которая превратила республику едва ли не в независимое государство и которая опиралась в основном на традиционную сельскую культуру, реализовывалась воспитанной на ней элитой [см. напр. Салагаев 2009; Гордеев 2010]. Однако некоторые исследователи, разделяя это мнение, в то же время отмечают противоречивый характер процессов, меняющих духовный облик и настроения и населения в целом, и элитных групп. Так, в своей исключительно интересной аналитической статье сотрудница Института истории АНТР этнограф Л.В.Сагитова, констатируя снижение роли элиты, “опирающейся на почву”, пишет о “болезненных переживаниях” многих из тех, для кого культура Татарстана была родной, а ее язык — “материком”. Недовольство происходящими изменениями способно, по ее мнению, объединить людей на основе ярко выраженной этнической идентичности: налицо как “конфронтационность, так и комплементарность гражданской и этнической идентичностей”. Пишет она и о прямом противостоянии между придерживающимися различных ориентаций СМИ [Сагитова б.г.]. Об активизации религиозного фундаментализма в Республике Татарстан в свое

время подробно говорил в интервью информационному агентству REGNUM и.о. муфтия Татарстана Илуус Фаазов [Фаазов 2011]. В какой-то мере аналогичные или сходные тенденции наблюдаются и в ряде других республик и автономий.

Даже в Республике Башкортостан, где, согласно опросам, всего 1,5% населения ощущают наличие межнациональных и межэтнических проблем, проблемы эти начинают все ощутимее сказываться на политическом климате региона. Как заявил в выступлении на заседании Госсовета 27 декабря 2010 г. президент республики Р.Хамитов, в последние месяцы этого года он вынужден тратить минимум 30% своего рабочего времени на урегулирование этих проблем [см. www.kremlin.ru/стенограммы].

В данной связи заслуживает особого внимания тезис Л.М.Дробижевой о том, что “этническая идентичность актуализируется в сложных этноконфликтных ситуациях” [Вехи российской... 2010: 198]. Так, согласно последним изысканиям специалистов из Института социологии, доля населения, готового признать себя не только русскими, башкирами, татарами и т.п., но и “россиянами”, существенно различается в различных республиках и регионах – от 35% в Чечне, примерно 50% – в других республиках Северного Кавказа и до 80% в Якутии. Однако, подчеркивают они, практически повсеместно уровень этнической самоидентификации выше³.

О чем говорят эти цифры? В первую очередь о дробности, недостаточной консолидированности российского общества. Но не только об этом. Даже там, где лишь 25-30% граждан не готовы назвать себя россиянами⁴, существует достаточно обширное пространство для вызревания и укоренения сепаратистских, националистических настроений и тех или иных проявлений регионального сепаратизма.

В отличие от политической активности умеренных, хотя и не всегда лояльных власти сил, националистические и иные экстремистские выступления сепаратистского толка в случаях чрезвычайных ситуаций часто носят “взрывной” характер, захватывая в свою орбиту массы людей, не разделявших до того экстремистских взглядов и устремлений и, казалось бы, чуждых им. И то, что такого рода масштабных неконтролируемых ситуаций в России не возникало, еще не означает, что страна гарантирована от их возникновения.

Однако оставим пока разговор о рисках будущего развития и остановимся еще на одном важнейшем факторе, существенным образом воздействующем на характер, качество и политическую “отдачу” общегражданской российской идентичности.

СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН: ТРЕНДЫ И КОНТРТРЕНДЫ

Этим фактором выступает социально-экономическая ситуация в стране, степень социального благополучия или неблагополучия населения и его

³ См. беседу Л.Дробижевой, ряд лет возглавляющей исследования в области этнонациональной и гражданской идентичности, в студии радиостанции “Эхо Москвы” 9 ноября 2010 г. (www.echo.msk.ru).

⁴ В целом по стране в 2006-2008 гг. лишь 65% населения России (данные Института социологии РАН) идентифицировали себя в качестве россиян. Подробно о данных опросов по ряду регионов [см. Социальная сфера... 2008: 37].

отдельных страт и групп. Как известно, после “смутных” 1990-х годов, распада прежней советской модели социальных отношений, когда основная масса россиян оказалась в непривычных и по преимуществу дискомфортных условиях, начало нового тысячелетия ознаменовалось существенными сдвигами к лучшему в их материальном положении. Стала расти заработная плата, причем если поначалу это происходило, в основном, в “частном” секторе, то ближе к середине десятилетия получили существенные прибавки к своим окладам и ставкам учителя, врачи, основная масса госслужащих. Систематически стали расти пенсии, пособия для многодетных семей, инвалидов и т.д., и т.п. В результате заметно сократился процент лиц, чьи доходы были либо ниже, либо на грани прожиточного минимума. В стране возрос общий уровень потребления, улучшилось качество товаров, вырос их ассортимент. У многих “простых людей” появилась возможность проводить отпуск или совершать тур и иные поездки за границу.

Все это создавало ощущение если не благополучия, то четко обозначившегося позитивного тренда и, соответственно, не могло не сказываться на самочувствии россиян, их оценке и самооценке и своего собственного положения, и положения страны⁵. Именно это, с точки зрения автора, явилось одной из основных причин того роста гражданской, государственной идентичности среди практически всех народов страны, о котором говорилось выше.

Все сказанное выше, однако, не дает оснований полагать, что только что отмеченный социально-экономический позитив определил общий вектор развития гражданской и политической “сообщности” в Российской Федерации. Больше того, целый ряд факторов в той же социально-экономической сфере самым существенным образом препятствовал росту этой “сообщности”.

Важнейший из этих факторов — запредельная социальная поляризация в российском обществе, берущая свое начало в 1990-е годы, но никак не смягчившаяся и не уменьшившаяся в годы 2000-е.

Как известно, социальная дифференциация — явление повсеместное, однако наша, российская дифференциация настолько аномальна, что не укладывается ни в какие разумные рамки. Цифры и факты здесь, как говорится, у всех на слуху и на виду. Один лишь тот факт, что доходы “верхних” 10% превышают доходы 10% “нижних” примерно в 17-20 раз (по оценкам Счетной палаты — в 17, а независимых экспертов — 20-22 раза [Независимая... 2010б]), т.е. в 3-4 раза выше, чем в большинстве других стран, — демонстрирует запредельные масштабы этой аномалии. И тот факт, что разница эта не снижается, а даже имеет тенденцию к дальнейшему росту [там же], свидетельствует о серьезном общественном нездоровье. Здесь — не просто неравенство между “богатыми” (или “новыми богатыми”) и бедными, а целый веер неравенств, причем обретших застойный характер. Это не только неравенство между работниками и работодателями, “бюджетниками” и работниками “частного сектора”, жителями “богатых” и “бедных” регионов и т.д. Не менее существенно и неравенство *внутри* всех этих секторов и сфер. Занятые в преуспевающих или благополучных отраслях — нефтяной, газовой, металлургической и

⁵ “Удовлетворенность жизнью” россиян возросла, в среднем, с 58% в 2000 г. до 70% в 2009 г. (данные “Левада-Центра”) [см. Ежегодник... 2009: 21].

некоторых других — на порядок лучше обеспечены, чем занятые в отраслях, еле-еле держащихся на плаву и обреченных на “санацию”. Так, согласно изысканиям ведущих сотрудников Института социальных проблем народонаселения РАН, если зарплата 80% работников российской экономики превышала в середине 2000-х годов прожиточный минимум всего в 1,6 раза, то зарплата примерно 45% работников топливной промышленности превышала этот минимум в среднем в 15 раз, а около 1/3 работников банковской сферы — в среднем в 20 раз [Социальное неравенство... 2007: 306].

В свою очередь, учителя, врачи, музейные работники, архивисты, а также и некоторые чиновники низшего ранга опять же на порядок хуже обеспечены, чем бюрократы, обладающие тем или иным административным ресурсом и использующие его для личного обогащения. Среди жителей Москвы и некоторых других крупных городов (благополучие которых вызывает зависть в городах и поселках, лишившихся некогда стабильных, хотя и низких доходов) лица с крайне низким жизненным уровнем (доходы 10% наиболее обеспеченных граждан в Москве в 39 раз меньше, чем доходы 10% наиболее обеспеченных [там же: 305]) столь же несчастны, что и жители только что упомянутых городов и поселков. В каком-то отношении их самочувствие и самоощущение даже ниже, чем самоощущение этих последних, ибо те хотя бы не видят того изобилия и той роскоши, в которой купаются и которую часто демонстрируют напоказ их более удачливые сограждане.

Как отмечают изучающие общественное мнение социологи, характерное для России “избыточное” социальное неравенство оказывает “драматическое воздействие на социально-психологическое состояние общества”, порождает острое чувство неудовлетворенности своим положением. При этом они подчеркивают, что чувство это носит “ценностно-мировоззренческий характер... превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом” [там же: 310].

Драматичность ситуации серьезно усугубляет тот факт, что даже в период так наз. *просперити* социальное неравенство не только не снижалось, но и заметно нарастало. Как отмечают специалисты, основывающие свои выводы на весьма надежных источниках, если в общей массе денежных доходов доля 10-12% самых состоятельных граждан непрерывно росла, то доля остальных непрерывно сокращалась [цит. по Человеческое развитие... 2010: 121].

В свое время, где-то в середине XIX в., тогдашний премьер-министр Великобритании, столкнувшись с реалиями “раннего капитализма” и ощутивший возможные последствия этих реалий, заявил, что в стране существует “две нации” и что такое положение не должно сохраняться. В современной России, наверное, тоже можно говорить о “двух нациях” (хотя чаще говорят о “двух Россиях”), и для этого, как мы видим, есть все резоны. Но если посмотреть на ситуацию с точки зрения гражданской идентичности, то нынешняя фрагментарность и в культурном, и в поведенческом планах раскалывает российскую “гражданскую нацию” на столь обособленные сообщества и слаты, что найти “общий знаменатель” для них крайне затруднительно. Как мы видели, этот общий знаменатель для основной части граждан существует, однако его социально-психологическая, культурно-поведенческая и политическая основы выглядят крайне обедненными и малосодержательными.

Приведенные цифры и факты основаны на исследованиях, проводившихся до вхождения России в 2008 г. в мировой экономической кризис. И поскольку он затронул нашу страну самым непосредственным образом, сделанные на основе этих фактов и цифр оценки если и изменились, то лишь в сторону их “ужесточения”. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что принципиальных изменений в них кризис не внес, и причина здесь предельно проста. В целом характер социально-экономического развития страны не претерпел каких-либо серьезных, качественных изменений и остался, в своей основе, таким же, что и до кризиса. И даже если бы кризиса не случилось социально-психологический климат в обществе вряд ли улучшился бы⁶.

Так что “неопределенность общегражданской идентичности” во многом проистекает отнюдь не только из ее “молодости” и незрелости, но и из самих современных реалий экономической и социальной действительности.

АНОМАЛИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Одним из последствий всех тех неравенств, о которых шла речь выше, стала далеко идущая фрагментация социальных страт, обусловившая формирование весьма специфической социальной структуры российского общества. Фрагментация эта далеко не в последнюю очередь стимулировалась и тем процессом деиндустриализации, который шел на протяжении всех постперестроечных лет и который принял в России поистине обвальный характер.

Дробление социальных страт в эти годы характерно, конечно, не только для России в условиях перехода от индустриального к “постиндустриальному” обществу, это, по существу, феномен, присущий очень многим странам, в том числе и странам, которые принято называть развитыми. Однако, если мы продолжим это сравнение, то выяснится, что в этих последних на месте прежних гомогенных социальных общностей и классов, главными из которых явились “пролетариат” и “буржуазия”, возник “средний класс”, к которому принадлежит уже большинство, и скорее даже подавляющее большинство общества. Этот класс при всей своей неоднородности представляет собой общность, обладающую собственными, характерными для нее ценностями и ориентациями, которые во многом определяют характер всего социума и, соответственно, устойчивый, хотя и не во всех случаях, характер его идентичности.

В России тоже много говорят и пишут о среднем классе, как о наиболее перспективной социальной страте, и с этим нельзя не согласиться. Однако весь вопрос в том, что представляет эта страта сейчас и какое место она занимает среди других составляющих социальной структуры страны. Только в этом контексте сможем мы реально оценить характер и особенности и самой этой структуры, и той роли, которую играет в российском обществе наш так наз. *средний класс*.

⁶ “Парадоксальность нынешней ситуации, — отмечали авторы доклада “Социальное неравенство и публичная политика” в 2007 г., — в том, что улучшение экономической ситуации и, как следствие этого, повышение уровня жизни населения не снижают степени социальной напряженности, порождаемой социальным неравенством. Недовольство граждан определяется самой динамикой социальных притязаний, порождаемых как самим экономическим ростом, так и несправедливостью распределения плодов этого роста. Для большинства общества неприемлема сама модель социального неравенства, утвердившаяся в современной России” [Социальное неравенство... 2007: 79].

Описывая сегодняшнюю социальную структуру России, российские социологи используют, как правило, ее членение (в зависимости от уровня доходов и образа жизни) на десять социальных страт. Две первые, нижние страты находятся по реальному уровню жизни за чертой бедности и составляют 21% россиян. Почти 70% из попадающих в них признаются, что не могут удовлетворить даже три основные базовые потребности: в одежде, питании, жилищных условиях. Третья страта – это россияне, “балансирующие на грани бедности”. К ней принадлежат 17% населения. При всем том, они “не люмпенизировались в полной мере”. Иначе говоря, их еще нельзя отнести к числу “социально исключенных” (понятие, введенное в научный оборот известным британским социологом Э.Гидденсом и способствовавшее осознанию остроты проблемы социального неравенства в странах Запада), однако многие из них, особенно в условиях кризиса, оказались в числе таковых. Для сравнения можно указать, что в странах Евросоюза этот процент также довольно высок, но критерии бедности и прожиточного минимума там существенно отличаются от российских и потому сравнение это не может считаться корректным.

Если говорить о социальной исключенности или “социальной эксклюзии” (по терминологии некоторых наших социологов), то это люди, выпадающие из мейнстрима, оказывающиеся не в состоянии поддерживать традиционный для России образ жизни. Это десятки миллионов граждан, лишенных всякого капитала, обреченных на одиночество и изолированность от основной массы своих сограждан [Социальное неравенство... 2007: 218, 227].

Еще 24% населения (четвертая страта) – это “малообеспеченные”, уровень жизни которых – средний для региона, в котором они проживают. По данным опросов, этот уровень воспринимается относящимся к нему гражданами как “минимально приемлемый”. При этом уже обследование 2006 г. выявило, что 10-15% их состава “стали сползать вниз” [там же: 227].

Но одновременно именно в этой страте – определенный резерв для развития среднего класса. Как видим, резерв очень небольшой, что крайне важно для оценки перспектив роста среднего класса, особенно учитывая его нынешние, весьма скромные размеры. По данным того же исследования пятая, шестая, седьмая и восьмая страты, объединяющие около трети населения, и составляют средние слои. Но средний класс в полном смысле этого слова – это “ядро” данных страт, и он составляет, по тем же данным, всего 20-22% экономически активного населения.

Около 5% россиян составляют девятую и десятую страты – это так наз. *богатые*, имеющие 2-2,5 тыс. долларов ежемесячного дохода на душу в семье, как минимум 2-3 места проживания, дорогую квартиру, коттедж за городом, две-три машины. Что касается суперэлиты, то она составляет столь малый процент в населении, что в выборку опросов не попала [там же: 228].

Тот факт, что средний класс в России составляет всего пятую часть ее жителей, уже сам по себе свидетельствует о крайней узости слоя, призванного быть (или стать) основным средостением новой или обновленной идентичности ее граждан. Но проблема не только в “количестве”, но и в “качестве” нашего среднего класса, исключительно большой доли в нем лиц, чьи ценности и чей образ мыслей и действий очень слабо коррелируется с тем, что обыч-

но характерно для позитивной гражданской идентичности. Наиболее влиятельная часть этих людей — госслужащие и бюрократия, а также фигуранты спекулятивного бизнеса, для которых главное — это личное обогащение, причем очень часто — любой ценой. Показательны данные, приведенные руководством Центра стратегических разработок (ЦСР) и Академии народного хозяйства (АНХ), полученные в ходе изучения социально-экономической ситуации в Москве. Согласно этим данным, доход людей “среднего класса” здесь складывается большей частью за счет вторичного перераспределения сырьевой ренты и реализуется на рынке недвижимости. Благодаря такого рода занятости, а также непропорционально высокой доле чиновничества и бюрократии, общий процент людей категории среднего класса в столице составляет, по данным АНХ, 45% веса ее жителей (против 14% в остальной России). Как подчеркивали руководители названных организаций, по своему статусу рантье, живущие на ренту — наиболее влиятельная часть среднего класса столицы, по своим устремлениям и ценностям ближе к жителям эмиратов, чем к европейцам. Сближение их с европейским средним классом может произойти лишь через десяток лет, да и то в случае снижения доходов от сырьевой ренты и переориентации инвестиций в человеческий капитал. Получение доходов от недвижимости и (добавлю от себя) от коррупции не требует высокой профессиональной квалификации и не стимулирует вложения в человека как агента модернизации [Отчет 2010]. Однако картина не столь однозначна. Согласно тем же источникам, полмиллиона состоятельных москвичей — это дееспособные, работающие мужчины, занятые в бизнесе и госслужбе, и есть основание полагать, хотя и без полной уверенности, что они заинтересованы в модернизации и связывают свое будущее и будущее своих семей с Россией.

Характерно, что если в странах, на которые Россия хотела бы равняться по роли среднего класса в качестве основного “мотора модернизации”, ядро этого класса — лица интеллектуальных профессий, высококвалифицированные специалисты, а также мелкий и средний бизнес, то в России роль и тех, и других скорее маргинальна. И если модернизационный драйв в России станет реальностью, то “мотором” его, скорее всего, явится не столько средний класс как таковой, сколько та часть российского общества, которая идентифицирует себя как средний класс⁷, но большая часть которого в силу своего материального положения и политической “задавленности” к таковому не относится. Именно эта на 70-80% виртуальная социальная общность может (и должна) стать центральным звеном новой российской идентичности, и именно на нее, по нашему мнению, должна ориентироваться та часть “политического класса”, которая призвана возглавить общественно-политическое возрождение страны.

Вернемся, однако, к реалиям социальной структуры россиян как объективному фактору, во многом определяющему современное состояние гражданской идентичности россиян. Если сравнить модель социальной стратификации современной (2006 г.) России и такой типично западноев-

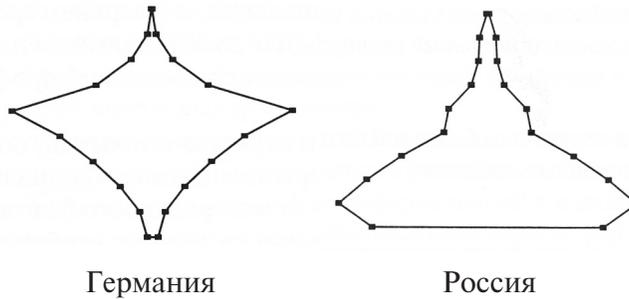
⁷ Согласно данным опросов “Левада-Центра” доля такого рода индивидов в российском обществе составляет около 50%; вместе с теми, кто относит себя к “низшему среднему слою”, эти люди составляют около 70% самостоятельного населения [Ежегодник... 2009: 20].

ропейской страны, как Германия, то мы сразу же убедимся в принципиальной разнице между ними (см. рисунок). Германская модель, составленная по данным опросов населения, напоминает ромб с заостренной верхней и усеченной нижней частью, где, соответственно, располагается около 7% “верхнего среднего класса”, т.е. наиболее преуспевающей верхушки общества, и около 12% “бедных”. Вся же основная его часть — это пространство тех, кто причисляет себя к среднему классу, и в своей основной массе к нему относится. Российская же модель, если исходить из приведенных выше цифр, скорее похожа на сосуд типа колбы с узким горлышком, в котором размещаются средний и верхний средний класс (20-25% населения) и усеченным основанием, в котором размещаются бедные и сверхбедные (свыше 20% населения). Между этими двумя сегментами располагается 60-65% тех, кого социологи относят к категории малообеспеченных и живущих на грани бедности.

Рисунок

Модель социальной стратификации современных Германии и России

Источники: [Социальное неравенство... 2007: 114-115; Социальная сфера... 2008: 37].

Поставленные рядом, эти модели позволяют нагляднее продемонстрировать принципиальное отличие российского социума от социума европейского. Они объясняют своеобразие ментальности россиян, наличие в ней большой роли традиционных российских и советских приверженностей и ценностей. Наши эксперты, наши политики и наши СМИ много пишут об этом. Многие из них делают далеко идущие умозаключения относительно характера и особенностей российского гражданского общества, его “инертности”, “пассивности”, слабой или нулевой заинтересованности в модернизации и т.д. В этом же они видят и “секрет” слабой гражданской идентичности.

Если, однако, повнимательнее присмотреться к реалиям современной общественно-политической жизни России, окажется, что отмеченные выше особенности российской гражданской и политической идентичности не обуславливаются только лишь полученным от предшествующих времен наследием. Влияние гражданской и политической идентичности на характер консолидации государства российского — это не связь причины и следствия, а результат более сложного взаимодействия. Первичным фактором этого взаимодействия выступает не просто идентичность сама по себе, но и те фор-

мирующие ее политические импульсы, которые исходят от власти, те *правила игры*, которые ею выстраиваются и которые реализуются через формируемую ею политическую систему. А это значит, что если не прямо, то косвенно именно сама власть и сама политическая система является главным, решающим фактором, от которого зависит и консолидация общества, и консолидация государства.

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

Как уже отмечалось в самом начале статьи, одним из важнейших факторов, определяющих процессы идентификации в российском обществе и их консолидирующую роль, является инфраструктура гражданского общества и партийно-политическая система страны. Отсюда — все то значение изменений, которые претерпевали и претерпевают оба эти компонента политической системы, равно как и система в целом в процессе их теперь уже двадцатилетней эволюции. Наиболее значимым моментом этой эволюции является переход от “горизонтальной” ельцинской системы к системе “вертикальной” путинской, и поскольку речь у нас идет о современных реалиях, мы возьмем за точку отсчета самое начало нового, XXI в., когда на пост президента был избран Владимир Путин.

Существенным фактором, обусловившим этот переход, явилась та ностальгия по порядку, которая с конца 1990-х годов стала определять основной вектор общественных настроений и которая во многом способствовала тому росту общероссийской идентичности, о которой речь шла выше. Однако начатые новым президентом изменения в политической системе подчинялись собственной логике и с самого начала обрели самодовлеющий характер. В результате изменения эти, чем дальше, тем больше не столько отражали общественные настроения и порождались ими, сколько, наоборот, стали определяющим образом сказываться на тех процессах самоидентификации россиян, которые начались в 1990-е годы. Задачей номер один новая власть поставила укрепление полномочий институтов государства, видимо полагая, что за этим последует и укрепление общественных связей и общественной солидарности.

Правда, в течение первых лет президентства В.Путина был предпринят ряд инициатив, призванных напрямую способствовать росту гражданской ангажированности россиян. В первую очередь это проявилось в том, что власти начали предпринимать заметные усилия по активизации деятельности организаций и объединений гражданского общества. В 2001 г. был проведен общенациональный Гражданский Форум, в ходе которого состоялся диалог между активистами и руководителями ряда НКО и представителями исполнительной и законодательной власти. Еще раньше, с 2000 г., в ряде регионов начали проводиться конкурсы и ярмарки специальных проектов НКО. Затем эта практика распространилась на некоторые федеральные округа.

Казалось бы, все шло к тому, что параллельно с повышением консолидирующей роли институтов власти начался поощряемый сверху и поддерживаемый снизу процесс вызревания гражданского общества, важнейшим следствием чего должна была стать полноценная общегосударственная идентичность.

Однако ничего этого не случилось, ибо главной, хотя и не объявленной целью предпринятых инициатив было не просто развитие инфраструктуры гражданского общества, но канализация его активности в том же направлении “иерархизации” или “вертикализации”, в котором в систему встраивались республики и регионы, бизнес и СМИ. Именно этим принципам подчинялся отбор участников упомянутых форумов, ярмарок и конкурсов, хотя могу засвидетельствовать как участник одного из данных форумов в Перми, что в чистом виде данные принципы реализованы не были, и в ходе этих публичных мероприятий сплошь и рядом возникал довольно острый и нелюбимый для власти диалог. Есть основание полагать, что именно это неудобное для властей обстоятельство привело к тому, что уже к середине 2000-х годов данная форма взаимодействия общества, бизнеса и власти была практически свернута.

В качестве основной опоры власти в процессе институционализации и “упорядочивания” ее отношений с гражданским обществом были избраны сформированные по следам первых форумов и ярмарок Общественные палаты, главной из которых стала палата федерального уровня. К середине 2000-х годов было практически завершено создание Общественных палат в регионах, и хотя формально они не контролировали функционирующие на соответствующих территориях НКО, фактически именно они стали задавать тон всей или почти всей их активности.

Тот факт, что в формировании и последующих изменениях состава Общественных палат решающую роль играли и играют федеральная и региональные власти, а финансирование их деятельности шло и идет от государства, ставит их, если не формально, то фактически, в положение подконтрольных властям организаций. Неудивительно, что в 2009 г. только 12% россиян считали, что Общественная палата РФ обладает реальным политическим весом, а 23% полагали, что это декоративный орган, который не имеет никакого влияния. В то же время около половины опрошенных заявили, что ничего не знают о ней [Ежегодник... 2009: 102].

Наши независимые СМИ, существование и деятельность которых не вписываются в тот общий политический дизайн, о котором идет речь, дают обильный материал об ограничениях другого рода, а именно законодательных и административно-политических мерах, призванных резко ограничить количество, функции и деятельность “неугодных” НКО (в основном правозащитных и экологических). Это и усложненные правила регистрации и отчетности, буквально подкосившие множество НКО, и ограничения их финансирования со стороны отечественных и зарубежных спонсоров, и атмосфера подозрительности и недоверия, создаваемая вокруг раздражающей “верхи” самодеятельности, и множество других подобного же рода ограничений.

Все это, естественно, не могло и не может сдерживать роста гражданской и политической активности россиян и, в частности, существенным образом снижает потенциал этой активности, который, в принципе, могли бы реализовать созданные в 1990-2000-е годы НКО. Если подходить к оценке их места в обществе по чисто формальным критериям, то публикуемые данные о них поистине впечатляют. Общее число некоммерческих организаций федерального уровня составляет примерно 1,5 тыс., а в регионах — свыше 140 тыс.

Этого числа достаточно, чтобы вовлекать в гражданскую активность значительную часть населения. Однако тот факт, что участвующие в этих объединениях граждане составляют всего лишь 1%, максимум 2% населения, а доля реально функционирующих НКО не превышает 1/5 их общего числа [Россия... 2009: 308], говорит, что называется, сам за себя.

Резюмирую. Политическая пассивность подавляющего большинства россиян, обуславливающая “неопределенность”, несформированность их общегосударственной идентичности, порождена не просто “стечением обстоятельств” и патерналистскими традициями, но в значительной мере есть результат попыток, и весьма небезуспешных, лишить организации гражданского общества самостоятельности и придать несвойственную им роль одной из послушных опор власти. Вместе с тем, при всем далеко не второстепенном значении указанных ограничений главный тормозящий момент развития гражданского общества и общегражданской идентичности обусловлен все же более общими факторами, связанными с функционированием существующей политической системы.

Основными из них являются те отношения между исполнительной и законодательной властью, которые ставят эту последнюю в подчиненное, подвластное положение. Происходит это не в силу установленного Конституцией порядка, а в результате той специфики, которую обрела в 2000-е годы наша партийная система. Созданная по кальке, вычерченной в президентской администрации, так наз. *партия власти*, опираясь на политический и административный ресурс госаппарата и будучи фактически в полном у него подчинении, превратилась в своего рода удлинненную руку президента и правительства. В результате, несмотря на все усилия придать ей статус и функции полноценной общественной организации, она таковой не стала и не может стать. Что же до других партий, то оттесненные целым рядом мер законодательного и распорядительного порядка на обочину политических отношений, они оказывают крайне слабое влияние на происходящие в обществе процессы. Отсюда не только ничтожно малый и неуклонно снижающийся процент участия населения в партиях, не превышающий 1-1,5%, но и исключительно низкий их общественный престиж. Опросы Института социологии РАН показывают, что если в 2004 г. доля тех, кто участвовал в деятельности политических партий, составляла 2%, то в 2008 г. она опустилась до 1% [там же]. При этом в перечне общественных институтов, пользующихся доверием россиян, партии занимают самое последнее место (13% в 2008 и 11% в 2009 гг.) [там же: 305]. Участие россиян в выборах различного уровня также снизилось – с 55% в 2004 г. до 40% в 2008 г. [там же: 308].

Главная причина столь низкого уровня доверия и участия – в том формате отношений между государством и обществом, в котором непомерно большую роль стали играть чиновничество и бюрократия. Призванная быть слугой общества, эта страта превратилась в его “хозяина” и либо узурпировала многие его функции, либо поставила их под свой жесткий, бюрократический контроль, подавляя даже те слабые ростки независимой общественной активности, которые прорываются сквозь этот становящийся все более непроницаемым заслон.

На динамике общественной активности самым непосредственным и негативным образом сказываются не только отмеченные ограничения и контроль с ее стороны за непосредственными проявлениями этой активности, но и тот “гнет”, унижающий человеческое достоинство, который ощущают буквально все рядовые граждане в своей повседневной жизни и деятельности. Решение почти любого вопроса наталкивается либо на равнодушие, либо на алчность разросшейся до невероятных размеров бюрократии, что наиболее остро ощущается в сфере жилищно-коммунального хозяйства, при оформлении тех или иных документов, касающихся собственности, прав и полномочий граждан. Это угнетающим образом действует на морально-психологическое состояние россиян, порождает настроения бессилия и безнадежности, заставляет их уходить в себя, снижает едва ли не до нуля общественный оптимизм.

Особенно остро и болезненно ощущает на себе гнет бюрократии мелкий и средний бизнес, вынужденный фактически подкармливать ту чиновническую рать, в зависимость от которой он поставлен. Автору приходилось писать ранее [Перегудов 2010: 32-43] о том, что “зажим” мелкого и среднего бизнеса со стороны бюрократии, блокирующий развитие этой крайне важной для экономического и общественно-политического развития страны, порождается в том числе и психологическим, можно даже сказать политическим неприятием ее по причине присущего этой общности стремления к независимости, ее потенциальной нацеленности на изменения, призванные положить существующий порядок вещей.

Задавая ныне тон в настроениях и поведении среднего класса, бюрократия инстинктивно чувствует, к каким нежелательным для нее последствиям могут привести формирование в нем влиятельного и независимого делового сообщества состоятельных граждан. Именно этим настроем на консервацию устраивающих ее порядков и состояния общества, а не только и, быть может, не столько ее эгоизмом и алчностью объясняется заградительный барьер, который она ставит и развитию малого и среднего бизнеса, и росту общественной активности других социальных групп. Она с явной охотой и рвением выполняет и перевыполняет те предписания, которые получает по этому поводу сверху и о которых уже говорилось ранее. В этом плане она является не просто исполнительницей воли власти, но и самой властью. И мы не поймем многого в характере и особенностях нашей системы общественных отношений, если не осознаем “судьбоносное” в худшем смысле значение этого факта.

Не менее существенное влияние на протекающие в обществе процессы оказывают то положение и та роль, которую играет в них наш “большой”, корпоративный бизнес. Заполняя подавляющую часть экономического пространства страны и располагая серьезнейшим политическим ресурсом [подробнее см. Перегудов 2003: 220-226], крупные российские корпорации не только задают тон и фактически устанавливают правила игры в трудовых отношениях, но и своими связями с “веером стейкхолдеров”, т.е. кругом участников реализации их экономических и иных функций, напрямую влияют на общественно-политический климат в стране.

Влияние корпораций и их собственников на самочувствие общества не в последнюю очередь определяется и тем фактом, что в ходе приватизации имен-

но в их руках оказалась львиная доля государственной собственности. Запредельное общественное неравенство, о котором шла речь в самом начале статьи, связано именно с этим обстоятельством, а также с теми преференциями, которыми они делились и делятся с верхушкой бюрократии. Отсюда — особая значимость социальной активности и социальной ответственности корпораций как одного из важнейших компонентов политической системы, их общей роли в российском обществе и государстве.

Поскольку всем этим сюжетам посвящен целый ряд исследований и публикаций автора [там же; см. также Перегудов 2010; Перегудов, Семененко 2008: гл. V-VI], он счел целесообразным воспроизвести здесь лишь общий вывод о том, что аномалии в отношениях государства и “большого бизнеса”, приведшие к созданию модели бюрократического корпоративизма, обусловили его крайне низкую инвестиционную активность, застой в экономике, деиндустриализацию, диспропорции между регионами. С началом экономического кризиса в 2008 г. в особо сложном, тяжелом положении оказались многие так наз. *моногорода*, созданные в советское время вокруг крупных промышленных предприятий. Согласно официальным данным, в России на 2010 г. насчитывалось 335 таких поселений, а доля их жителей в общем населении страны составляла около 15% [Ведомости 2010a]. Большая часть этих населенных пунктов в течение последних двух десятилетий переживала и переживает серьезные трудности, а ныне оказалась в критическом состоянии. Низкая или неполная занятость, дисквалификация, мизерная зарплата, ухудшающиеся жилищные условия — все это превращает моногорода в анклав бедности и неблагополучия.

Плотную к проблеме моногородов примыкает проблема районов проживания населения вблизи предприятий, находящихся, как и большинство монопоселений, в стадии упомянутой деиндустриализации, а также так наз. *периферия*, т.е. масса поселков и пригородов, население которых работает и “кормится” от тех же предприятий. Численность населения всех этих зон неблагополучия поистине огромна, о ней можно судить по тому количеству бедного и беднейшего населения, о котором говорилось в начале статьи. Применительно к стране в целом, видимо, есть основание говорить не только о социально исключенных категориях населения, но и о социально исключенных территориях. По мнению эксперта-социолога по Северокавказскому региону, в результате деполитизации и исключения значительной части его граждан из активной, созидательной практики, “народ стал депрессивен, безынициативен, лишился статусных позиций” [цит. по Аксентьев и др. 2008: 185].

При всей субъективной окрашенности данной оценки (автор экспертного интервью, из которого она заимствована — житель Карачаево-Черкесии), с теми или иными поправками ее можно распространить и на ряд территорий за пределами Северного Кавказа. По данным директора Института социологии РАН М.К.Горшкова, доля “социально исключенных в России в конце первого десятилетия XXI в. составила более 30%, и, учитывая их далеко не равномерное распределение по регионам и муниципальным образованиям РФ, сказанное выше не должно показаться преувеличением или упрощением” [Горшков 2010: 126]. Как известно, важной частью политической

реформы начала 2000-х годов стало реформирование отношений республик и регионов с федеральным центром. Выше уже отмечался серьезный консолидирующий эффект, который имела эта реформа. Однако существует и ее “обратная сторона” – лишение населения регионов права избирать губернаторов и президентов республик, что явилось своего рода вотумом недоверия к нему и не могло не способствовать его отчуждению от власти. Последующая за этим передача полномочий назначения глав столиц, регионов и республик губернаторам и президентам и превращение избранных мэров городов в “сити-менеджеров” способствовало дальнейшей деполитизации наиболее значимой части населения и его отчуждению от власти. Не внесла корректив в этот процесс “вертикализации” власти и муниципальная реформа, которая пока что лишь играет на руку бюрократии и “партии власти”, никак не способствуя ни развитию общественной самодеятельности, ни укреплению сельских, поселковых, городских и региональных идентичностей. В результате общегражданская и государственная идентичности во многом превращаются в формы без содержания, в некую абстракцию, дееспособность которой снижается на порядок.

КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ: КТО ОПРЕДЕЛИТ БУДУЩЕЕ РОССИИ?

При всех негативных моментах, сковывающих общественную самодеятельность, в последние 2-3 года гражданская и политическая активность начала в целом ряде случаев прорываться сквозь заслоны и ограждения, установленные в ходе “вертикализации” гражданских и политических отношений. И происходит это на самых различных уровнях, включая и партийно-политический.

Одним из проявлений такого рода активности стали покушения оппозиционных партий и организаций, включая и “системную оппозицию”, на монополизм “единороссов”. Многие СМИ обратили внимание на те коллизии, которые возникли в отношениях между руководством “Единой России” и “Справедливой России”. Заметно возросла и независимость в поведении КПрФ, что не замедлило сказаться на повышении рейтинга обеих этих партий, обусловив их успех, правда весьма относительный, на прошедших в 2009-2010 гг. региональных выборах. Как заявил в интервью “Независимой газете” лидер “Справедливой России” С.Миронов, за последние 2-3 года “боевитость” партийных организаций в регионах существенно возросла, а в целом по стране за партию сейчас готово проголосовать (при условии справедливых и свободных выборов) 14-16% избирателей [Независимая... 2010в].

Руководство “партии власти” уже не уверено, что ему удастся повторить успех 2007 г. на выборах 2011 г. и получить конституционное большинство (2/3 мест) в Государственной Думе. На случай, когда такое большинство потребуется для прохождения отдельных законопроектов, готовится вариант создания временных думских коалиций. Очевидно, что за такие соглашения придется платить, и не в последнюю очередь – административным ресурсом. Явно слабеют позиции “единороссов” и в ряде регионов.

Не будем развивать эту тему дальше, отметим лишь, что в канун выборов 2011 г. появилась реальная возможность если не подрыва, то ослабления монополии “Единой России” в законодательных собраниях. Учитывая явную акти-

визацию “системных партий”, есть все основания полагать, что в новом составе парламента они уже не готовы удовлетворяться ролью “пятого колеса” и смогут оказывать реальное влияние на принимаемые решения. Это не будет многопартийная или двухпартийная система в полном смысле этого слова, но определенный шаг к ней будет сделан.

Вряд ли останется без изменений и ситуация в законодательных собраниях республик и регионов: в некоторых из них уже в настоящее время позиции “партии власти” заметно ослабли.

Но, пожалуй, еще более существенные подвижки могут произойти на самом нижнем, муниципальном уровне, где “Единая Россия” зачастую не имеет дееспособных организаций. Как показал на ряде конкретных примеров Приуралья О.Б.Подвинцев [Подвинцев 2010: 97-105], в целом ряде поселков и малых городов самоорганизованные избирательные объединения местных активистов смогли получить большинство в советах и существенно поднять их роль в решении местных вопросов. Предстоящая “партизация” этих выборов (пока что частичная) может приблизить ситуацию на местах (на что она, очевидно, и рассчитана) к “общему знаменателю”, однако, как мы уже видели, сам этот “знаменатель” не замер в прежнем положении. Кроме того, есть все основания полагать, что межпартийная борьба на местном уровне обретет более “равновесный” характер хотя бы потому, что административный ресурс вряд ли будет гарантирован партии власти в той мере, как это имеет место в центре и в большинстве регионов.

Не замерла и активность гражданского общества и его организаций. Хотя перелома здесь не произошло, налицо оживление гражданской активности по ряду направлений. Это и различные формы публичных выступлений, нацеленные на изменение социальной политики правительства (о чем подробно не так давно писала Татьяна Ворожейкина и другие авторы в журнале “Pro et Contra” [Ворожейкина 2008]), это и создание социальных сетей как одной из наиболее действенных форм общественной самоорганизации граждан, в том числе в ходе подготовки и проведения муниципальных выборов [Ведомости 2010б]. Это, наконец, самые различные формы и методы гражданской самоорганизации по месту жительства, нацеленные, в частности, на ограничение и контроль за деятельностью “управляющих компаний” и других учреждений в сфере ЖКХ. Не могу не упомянуть и об отмеченном многими наблюдателями и СМИ всплеске общественной активности в период летних пожаров 2010 г., направленной как на тушение этих пожаров, так и на различные виды помощи “погорельцам”. Относительно широкий резонанс получили акции “синие ведерки” (против “мигалок”), протесты против строительства газпромовского небоскреба в Санкт-Петербурге, акции в защиту химкинского леса и целый ряд других им подобных проявлений гражданской активности, о чем, в частности, подробно пишет известный правозащитник Людмила Алексеева [Ведомости... 2011].

Все эти виды общественной самодеятельности вкупе с теми, которые дают о себе знать в ходе выборов и предвыборных кампаний, носят, скорее, эпизодический характер и не повлияли сколько-нибудь существенно на отношения между обществом и властью. При всем том, оживление общественно-политической жизни, ее растущая “публичность” — это факт, который заме-

чает всякий, кто хотя бы мало-мальски интересуется происходящим в обществе и государстве.

Оживление это, однако, не ограничивается теми позитивными проявлениями гражданской и политической активности, о которой шла речь выше. К концу 2010 г. стали со все большей остротой появляться и такие формы общественной активности, которые позитивными никак не назовешь. Ряд нападений и даже убийств “инородцев”, с одной стороны, и русских, с другой, вызвали возмущение граждан, и особенно молодежи, что вылилось в целую серию акций, буквально взбудораживших в декабре 2010 г. не только Москву, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, но и ряд других городов и городков России.

В условиях, когда среди населения многих российских городов растет недовольство быстрым притоком иммигрантов при одновременном общем недовольстве ухудшением своего материального положения, ростом взяточничества и коррупции, создаются благоприятные условия для широкого распространения таких лозунгов-требований, как “Москва для москвичей”, “Россия для русских”, а также идей “русского евразийства”. Когда в стране, мягко говоря, запущена культурно-воспитательная работа, будь то в семье, школе или вузе, а многие молодые люди не учатся и не работают, нерастраченная социальная энергия выливается в переходящие всякие цивилизованные рамки фанатизм и экстремизм. Нет нужды говорить о том, как легко и почти естественно этот экстремизм, не будучи поставлен в определенные рамки, сливается с экстремизмом националистов, особенно когда этот последний настойчиво и умело пытается захватить всю эту молодежь под свое начало. То, что происходило на Манежной площади и в метро “Охотный ряд”, а также в ряде районов Москвы и некоторых других городах России, иначе как “националистической вылазкой” не назовешь. Это не значит, что все или даже большинство фанатов, принимавших участие в этих “акциях” — националисты. Но заметный шаг к их более основательному подключению к “новому нацизму” был сделан. Будучи не в последнюю очередь реакцией на экстремизм и терроризм ряда представителей национальных диаспор, “русский национализм”, в свою очередь, способствует радикализации более широких кругов этих диаспор, ставит палки в колеса тем их руководителям и активистам, которые настроены на укрепление межнационального согласия. Пытаются воспользоваться ситуацией и националистически настроенные группировки и организации в ряде республик.

Искусственная деполитизация россиян при одновременном засилье и бесконтрольности чиновничества и бюрократии не могла не сказаться и на обострении ряда других асоциальных явлений, одним из которых явился рост организованной преступности и ее сращивание с наиболее коррумпированной частью чиновничества и бюрократии. Наиболее ярким проявлением этого сращивания явился так наз. *кущевский синдром* — получившее широкое публичности убийство 12 человек в станице Кущевской Краснодарского края. Как выяснилось вскоре после этого события, покрываемая и используемая бюрократией и правоохранительными органами организованная преступность стала довольно распространенным явлением, и не только в южных регионах страны. Атмосфера страха и подавленности, порождаемая такого рода сим-

биозом преступности и власти, оказывала и оказывает деморализующее влияние не только на население в “пораженных” населенных пунктах, но и на куда более широких территориях. Недаром даже такой не склонный к преувеличениям деятель, как председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, оценил кушевский синдром как явление, способное привести к “деградации” российского государства [Зорькин 2010].

Еще более категорично о рисках для целостности российского государства высказался на заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике 27 декабря 2010 г. президент Д. Медведев, заявивший не просто о “запущенности” проблем нормализации межнациональных и межэтнических отношений в ряде регионов России, но и о “смертельной опасности” межнациональных конфликтов, “подрывающих основы нашего общества” [см. www.kremlin.ru/стенограммы]. Практически тот же тезис он воспроизвел и в своей речи на созванном им совещании руководителей обеих палат Федерального собрания 17 января 2011 г., заявив об особой важности гражданского мира и межнационального соглашения, “без которых мы ничего сделать не сможем, — сможем лишь бороться с хаосом” [там же].

Вероятность распада России в результате возможного обострения межнациональных отношений стала всерьез обсуждаться российскими и зарубежными экспертами, оживленно обсуждаться читателями в их комментариях к публикуемым в Интернете материалам на эти темы⁸.

Органическая связь, существующая между национально-государственной идентичностью и степенью консолидации государства, стала настолько очевидной, что вопрос о нормализации создавшейся здесь ситуации превратился в вопрос первостепенной государственной важности. И для политического класса, и для экспертного сообщества стала также очевидна ключевая роль, которую должны играть в его решении модернизация политической системы и пересмотр тех принципов, на которых она строится. Однако и в том, и в другом существуют глубокие разногласия по поводу того, какая это должна быть модернизация и как ее следует осуществлять.

Если исходить из ситуации, которая складывалась к концу “нулевых”, то ее можно определить как противостояние двух подходов, сторонники каждого из которых претендовали на то, что именно предлагаемые ими решения обеспечат оптимальный вариант дальнейшего развития страны. Наиболее радикальный из этих подходов постулировался так наз. *несистемной либеральной оппозицией* и ее лидерами. Суть его — решительное переформатирование существующей системы на манер так наз. западных демократий, т.е. замена существующей “имитационной” партийно-парламентской системы на полноценную, конкурентную представительную демократию (с одновременной заменой соответствующих должностных лиц), создание подотчетной парламенту правоохранительной системы, независимого судопроизводства. Как утверждали и продолжают утверждать лидеры этого политического течения, безотлагательная реализация предлагаемых ими преобразований оздоровит как политическую систему в целом, так и ее важнейшие институты, будет спо-

⁸ См., например, “Интервью” на сайте www.vok.ru (декабрь 2010 — январь 2011 гг.).

собствовать искоренению коррупции, оживлению и оздоровлению экономики, активизации гражданского общества, росту политического участия граждан.

Однако, если исходить из реалий сегодняшнего дня, реализация данной альтернативы чревата целым рядом нежелательных последствий. Основной риск предлагаемой блиц-реформы заключается в том, что она предоставит свободу действий не только силам, заинтересованным в позитивном, демократическом развитии страны и ее процветании, но и силам деструктивным, и не в последнюю очередь — националистическим⁹.

Другой, прямо противоположный подход, также сформулированный в конце “нулевых” годов, исходил из необходимости сохранения существующей политической системы, правда, при некоторой, крайне ограниченной ее модификации. Именно такой вариант “обновления”, а фактически консервации данной системы предлагали до последнего времени руководство “Единой России” и ее сторонники в экспертном сообществе. Ставка делалась (и делается) на придание “партии власти” более значимой общественно-политической роли, некоторое ограничение использования административного ресурса, укрепление кадрового состава организации. Такого рода эволюция при одновременном совершенствовании государственного управления и государственных институтов должна, по мнению руководства “единороссов”, придать политической системе устойчивость, которую уже не сможет раскатать и полноценная политическая конкуренция.

Коренный изъян подобной “модернизации” заключается в том, что она оставляет без сколько-нибудь значимых изменений существующий порядок вещей, при котором “правящая партия” является в своей основе партией чиновников и бюрократии, во-первых, и не нарушает подчиненной роли представительных институтов, во-вторых. Весьма модные в данной среде рассуждения о повышении роли “среднего класса” по существу лишь закрепляют нынешнюю гегемонию его наиболее влиятельной части, каковой является, как уже отмечалось, все та же бюрократия. При таком положении дел роль гражданского общества и его организаций остается в положении одного из звеньев властной вертикали, а его наиболее влиятельные сегменты становятся органической частью истеблишмента. Разумеется, о превращении чиновничества и бюрократии в “слуг народа” при этом не может быть и речи, соответственно сращивание ее с коррумпированным бизнесом и организованной преступностью сохраняется или даже усиливается.

Чисто внешне подобного рода установки и их реализация могут на какое-то время создать ощущение возросшей консолидированности общества и госу-

⁹ О том, что такие силы есть и что они активизируются, красноречиво говорят не только беспорядки конца 2010 г., но и данные проводимых в последнее время опросов среди основной массы россиян. Согласно одному из этих опросов, доля тех, кто одобрял действия участников акций типа происходившей на “Манежной”, составила 18% респондентов, причем 11% из них выразили готовность самим стать участниками таких выступлений. При этом в Москве и Санкт-Петербурге доля тех и других оказалась в 2 раза выше [Ведомости 2010в]. По данным Генпрокуратуры, опубликованным в рамках программы “Мы”, проявления этнического экстремизма и расовой нетерпимости с середины первого десятилетия “нулевых” непрерывно нарастали (152 — в 2005 г., 230 — в 2006 г., 356 — в 2007 г., 460 — в 2008 г., и 548 — в 2009 г. [Независимая... 2010г]). Согласно данным правозащитных организаций, в 2010 г. было зафиксировано 90 нападений на почве ксенофобии, при этом 21 человек погиб и 105 было ранено [там же].

дарства. Однако на деле они приведут лишь к усугублению того отчуждения общества от власти, которое явилось главной причиной “чрезвычайности” конца первого десятилетия “нулевых” годов¹⁰ и которое чревато и куда более роковыми последствиями.

В принципе оба противостоящие друг другу подхода сохраняются и в начале второго десятилетия XXI в. Однако даже для ряда сторонников и радикально-либерального, и консервативного подходов становится все очевидней контрпродуктивность попыток их реализации и необходимость их адаптации к новым общественно-политическим реалиям.

Приведу только два примера, подтверждающих сказанное. В одном из интервью радиостанции “Эхо Москвы” от 29 декабря 2010 г. видный деятель “Единой России”, руководитель ее либерально-консервативного клуба Валерий Фадеев заявил, что созданная десять лет назад властная вертикаль свою задачу выполнила и потому назрела необходимость ее замены на более соответствующую новому этапу политического развития страны.

В свою очередь один из лидеров радикально-либеральной оппозиции Владимир Милов после событий на Манежной площади дал такую оценку этих событий: произошедшие в декабре 2010 г. “бунты” – “это не чья-то провокация”, они символизируют “рост националистической оппозиции” и “наличие фундаментальных проблем межэтнического и межнационального характера” [Независимая... 2011]. Признав, что либералы до последнего времени игнорировали эти проблемы, он тем самым фактически признал и несостоятельность тех “простых решений”, на которые ориентировалась и ориентируется до сих пор “несистемная оппозиция”.

Есть все основания полагать, что это только “первые ласточки” и что вступление России в длительный, многомесячный предвыборный период наверняка выявит не только отдельные поправочные констатации типа только что приведенных, но и программно-политические новации в официальных позициях партий. Признаки такого рода новаций уже налицо: это и набирающее вес либеральное склонение в “Единой России”, и попытки реформатирования партий и группировок либерального спектра. Я уже не говорю о тех возможных сюрпризах, которые нас ждут при публикации предвыборных программ и при той передислокации партийных объединений, которая наверняка внесет те или иные изменения в существующее партийное поле России.

Сейчас, конечно, невозможно сказать, какими конкретно будут изменения, привнесенные предвыборной борьбой и самими выборами 2011-2012 гг., как они могут отразиться на уроне и характере и гражданской, и государственной консолидации, на политической системе России. Оптимальным вариантом стало бы формирование программы (стратегии), нацеленной на поэтапное преобразование всего комплекса существующих отношений между государством и обществом на началах партнерского, демократического взаимодействия. При таком варианте предпринятые в соответствии с такого рода стратегией меры по реформатированию политической системы и

¹⁰ Подробно об этой “чрезвычайности” писал ряд авторитетных экспертов в “Независимой газете” от 18.12. 2011.

ее институтов, нормализации отношений собственности и сферы социальных услуг органично вписались бы в позитивное развитие российского социума в целом. Тем самым открылись бы благоприятные возможности для активизации гражданской, политической и экономической самодеятельности россиян, создались бы условия для развития здоровой экономики, смягчения социальных диспропорций и нарастания консолидирующих трендов в обществе и государстве.

Существует, однако, и вполне реальная возможность того, что в условиях продолжающегося раскола элит, огромного влияния сил, заинтересованных в сохранении и закреплении существующего статус-кво, все те новации, которые появятся на партийно-политическом поле, будут носить лишь “поправочный” характер, и те действующие подходы, о которых говорилось выше, в общем и целом останутся без сколько-нибудь существенных изменений.

Вполне возможно также, что появятся и другие варианты или подварианты корректировки существующих политических отношений и политической системы. Один из них — выход или вывод на партийно-политическую арену так наз. *управляемого национализма*. Если это случится, его назначением станет перетягивание на сторону власти склонных поддаться влиянию этнонационалистических экстремистов и укрепление социальной и политической базы режима. В этом случае вполне вероятно общее ужесточение карательных функций силовых ведомств с целью недопущения любых проявлений угрожающего целостности государства сепаратизма. Однако в свете сказанного выше успех такого рода разыгрывания националистической карты был бы более чем сомнителен.

Какой из прорисованных здесь вариантов модификации политической системы будет реализован и появится ли шанс позитивной ее трансформации, далеко не в последнюю очередь будет зависеть от уровня и характера того диалога в экспертном и политическом сообществе, который уже начал набирать обороты и чем далее, тем более будет влиять на характер и суть начавшейся идейно-политической трансформации.

Аксентьев В.К., Грищенко Г.Д., Дмитриев А.В. 2008. *Региональная конфликтология. Концепты и российская практика*. М.: Альфа-М.

Алексеева Л. 2011. Возможны повороты. — *Ведомости*, 08.02.

Ведомости. 2010а. 17.11.

Ведомости. 2010б. 22.04.

Ведомости. 2010в. 24.12.

Ведомости. 2011. 08.02.

Вехи российской социологии. 1950-2000-е годы. 2010. Санкт-Петербург: Алетейя.

Ворожейкина Т.Е. Самозащита как первый шаг к солидарности. 2008. — *Pro et Contra*, № 2-3.

Гордеев Я. 2010. Независимая конституция Татарстана ушла в небытие. — *Независимая газета*, 30.08.

Горшков М.В. 2010. Проблема российского общества в социологическом измерении. — *Вехи российской социологии*. СПб.: Алетейя.

Ежегодник “Общественное мнение-2009”. 2009. М.: Левада-Центр.

Зорькин В. 2010. Конституция против криминала. — *Российская газета*, 10.12.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. 2010. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. — *Полис*, № 3.

- Человеческое развитие: количественное измерение и процессы в мировой системе. 2010. — *МЭиМО*, № 8.
- Независимая газета*. 2010а. 13.11.
- Независимая газета*. 2010б. 11.11.
- Независимая газета*. 2010в. 25.11.
- Независимая газета*. 2010г. 17.12.
- Независимая газета*. 2011. 13.01.
- Отчет о “Гайдаровских чтениях”. 2010. — *Независимая газета*, 14.11.
- Перегудов С.П. 2003. *Корпорации, общество и государство*. М.: Наука.
- Перегудов С.П. 2010. Кризис корпоративной модели российского бизнеса. — *МЭиМО*, № 5.
- Перегудов С.П., Семененко И.С. 2008. *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии*. М.: Прогресс-Традиция.
- Подвинцев О.Б. “Глиняные ноги” партии власти. 2010. . — *Pro et Contra*, № 3.
- Послание президента В.В.Путина Федеральному собранию 2007 г.* 2007.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. 2007. М.: Изд-во “МГИМО-Университет”. 272 с.
- Российская идентичность в социологическом измерении. 2008. — *Полис*, № 1-3.
- Россия реформирующаяся. Ежегодник Института социологии РАН*. 2009. М.: ИС РАН.
- Сагитова Л.В. б.г. *Региональная идентичность — социальный детерминизм и конструктивистская деятельность СМИ*. Доступ: www.tataroved.ru.
- Салагаев А.Л. и др. 2009. *Социокультурный портрет Республики Татарстан*. Казань: КГТУ.
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2010. Идентичность в системе координат мирового развития. — *Полис*, № 3.
- Социальная сфера общества сегодня, завтра, послезавтра*. Доклад Института социологии РАН, рук. Л.М.Дробижева. 2008. М.: ИС РАН.
- Социальное неравенство и публичная политика*. 2007. М.: Культурная революция.
- Фаазов И. 2011. *Интервью информационному агентству REGNUM*. Доступ: <http://regnum.ru/news> 8.02.2011.